

УДК 930.2:003.072

Белова А.Б.¹

**НАПОЛНЕНИЕ ПИСЧЕГО СОСУДА ДРЕВНЕРУССКОГО КНИГОПИСЦА
XVI—XVII ВВ.**

Санкт-Петербургский государственный университет

Belova A.B.

**THE EQUIPMENT OF THE OLD RUSSIAN SCRIBE'S WRITING VESSELS OF
THE 16th — 17th CENTURIES**

Student of Saint-Petersburg State University

Аннотация. Данная статья посвящена комплексу предметов, входившему в инструментарий профессионального пишущего XVI—XVII вв. — наполнению писчего сосуда (чернильницы и киноварницы). Эти предметы — мешалка, губка и «гнездо», долгое время были лишены внимания исследователей. Между тем они могли оказывать значительное влияние как на физические, так и на химические свойства используемых для письма красителей.

Ключевые слова: древнерусский писец, инструменты письма, палеография.

Abstract. This article is devoted to the equipment of the inkwell and the vessel for cinabar («kinovarnicza») — a set of items, distinguished from Old Russian scribe's instruments of the 16th — 17th centuries. The researchers didn't pay attention for these items — a stirrer, sponge and «gneздо» for a long time. Meanwhile, they could have a significant impact on both the physical and chemical properties of the dyes used for writing.

Keywords: Old Russian scribe, writing implements, paleography.

Практика письма человека средневековья стала объектом пристального рассмотрения в отечественной историографии сравнительно недавно. Её всестороннее полноценное исследование требует внимания к многочисленным деталям, до сих пор казавшимся незначительными. Так, навык письма не может рассматриваться отдельно от инструментария пишущего. В настоящей работе мы остановимся на комплексе предметов, сформиро-

¹ Белова Анна Борисовна — студент Санкт-Петербургского государственного университета.

вавшемся вокруг красителей — чернил и киноvari. В этот комплекс входил непосредственно писчий сосуд¹, мешалка, губка или заменявшая её тканевая подушечка, а также «гнездо». Железная мешалка, полотняная подушечка и «гнездо» размещались в чернильнице, губка — в киноvarнице. При кажущейся незначительности они могли влиять как на физические характеристики чернил, так и на их химический состав.

Прочно утвердилось представление о том, что единственным наполнением писчего сосуда было красящее вещество — киноvarь или чернила. По этой причине другие составляющие «комплекта» лишь немного интересовали исследователями. На возможность расположения губки в киноvarнице и чернильнице указывали В.А. Щавинский [11, с. 96] и Н.А. Замятина [5, с. 54]. О «гнезде» писал целый ряд авторов [10, с. 350; 9, с. 61; 11, с. 30; 4, с. 34; 3, с. 96], однако речь шла о «гнезде», которое находилось в кувшине для изготовления чернил, а не в чернильнице. Мешалка, насколько мы можем судить, осталась обойдённой вниманием исследователей.

Сведения о наполнении писчего сосуда могут быть почерпнуты из ограниченного круга источников. Книжная миниатюра, часто используемая при описании древнерусских инструментов письма, в этом вопросе неинформативна, так как содержимое чернильницы и киноvarницы было скрыто от глаз наблюдателя. Если сами чернила и киноvarь оставляли след на страницах рукописи, то другие предметы, находившиеся в писчем сосуде, влияли исключительно на состав, консистенцию и равномерность нанесения красителя. Таким образом, единственным источником сведений о предметах, наполнявших чернильницы и киноvarницы, являются тексты — прежде всего, сборников технологических рекомендаций.

Нам известно три упоминания железной мешалки: в статьях 1589—1591 гг. рукописного сборника Ионы Соловецкого² (Свод. Т. 1. Кн. 1. С. 95), сборнике постриженника Кирилло-Белозерского монастыря Варфоломея Новгородца 1584—1589 гг. (Свод. Т. 1. Кн. 1. С. 75), а также в описи «переплётных снастей» Кирилло-Белозерского монастыря 1635 г. (Опыт сборника. С. 87). Появление мешалки как специализированного инструмента было вызвано необходимостью регулярного перемешивания чернил в процессе их изготовления, хранения и использования. Для получения хороших чернил и поддержания их ка-

¹ Термин «писчий сосуд» был заимствован нами из источников XVII в. (См. напр.: Свод. Т. 1. Кн. 1. С. 74, 268).

² В публикации Ю.И. Гренберга «Толстовский сборник смешанного содержания» датирован второй четвертью XVII в. (Свод. Т. 1. Кн. 1. С. 92), мы же приводим уточнённую датировку Б.Н. Морозова [6, с. 281].

чества это приходилось делать дважды или трижды в день (Свод. Т. 1. Кн. 1. С. 70, 332). Вероятно, их также мешали в процессе письма, чтобы соблюсти однородность красителя.

Мешалка представляла собой тонкий, возможно, несколько заострённый на конце, железный стержень-спицу: известны рекомендации мешать чернила «железным веретенцом» (Свод. Т. 1. Кн. 1. С. 323). Также и ртуть при изготовлении творёного золота для письма вмешивали «железцем» (Свод. Т. 1. Кн. 1. С. 308) (согласно словарю, «железце», обычно имеет острый край или конец [8, с. 83]). Размер мешалки, очевидно, зависел от размеров писчего сосуда. Особое выделение книжниками материала мешалки — химически ненейтрального железа, возможно, говорит о понимании ими влияния вещества, из которого сделано орудие, на состав красителя.

Вторым предметом, помещаемым в писчий сосуд, была губка («губа грецкая»). Её также могли заменять полотняной подушечкой. Губка, которую использовали древнерусские писцы, представляла собой полученный путём специальной обработки скелет морского животного, традиционно используемый в странах средиземноморского региона для впитывания влаги. Это делало губку в русской практике инструментом труднодоступным и недешёвым: её многократно промывали и использовали до тех пор, пока она была «целомощна» (Свод. Т. 1. Кн. 1. С. 89).

Обычно губка употреблялась при письме киноварью: «а чтоб в киноварнице была губочка» (Свод. Т. 1. Кн. 1. С. 89); «на киноварнице добро держать гнездо губа грецкая» (Свод. Т. 1. Кн. 1. С. 339); порошок киновари в процессе изготовления красителя клали в «сосудец мраморной, где губа грецкая» (Свод. Т. 1. Кн. 1. С. 218). Особый интерес представляет фрагмент «Памяти Агапиту...», обнаруженный Н.В. Беловым в синодике Александро-Свирского монастыря (БАН. Собр. Александро-Свирского монастыря. № 55. Л. 144 об.)¹: «Памят(ь) Агапиту, что е[му] / никъ на казенныя де[нги] / на киновари да на / купоросу, да на губку в ки...». По всей видимости «Память...» представляет собой список того, что должен был купить Агапит для монастыря на казённые деньги. А именно: киноварь, купорос и губку. Такой набор характерен для нужд книгописца. В связи с этим окончание четвёртой строки можно с уверенностью восстановить как «губку в ки[новарницу]».

Материал для впитывания влаги могли использовать и при письме чернилами. На это косвенно указывает статья сборника Ионы Соловецкого: вместо импортной губки из

¹ «Память...» представляет собой приклеенный к листу (возможно при повторном переплетении рукописи) обрывок бумаги прямоугольной формы размером 5 на 6 см. С одной стороны листа расположен частично сохранившийся текст, написанный скорописью XVII в.

«плата» шили подушечку, аккуратно убирая шов внутрь («концы внутрь зашив» (Свод. Т. 1. Кн. 1. С. 96)). К сожалению, о том, чем её наполняли, ничего не известно. Составитель рекомендации особо отметил, что подушечку «кладут в киноварницу. Сим же образом и в чернило творят» (Свод. Т. 1. Кн. 1. С. 96).

Третьей составляющей комплекса предметов, сложившегося вокруг писчих красителей, было «гнездо». Относительно того, что представляло собой «гнездо», высказывались различные взгляды: например, его отождествляли с ржавым железом [10, с. 350]. Ю.И. Гренберг предпринял попытку дать два определения. «Гнездо» вообще описывалось им как «заранее подготовленная основа предстоящей технологической операции производства чего-либо» [3, с. 346]. Чернильное же «гнездо», по мнению Гренберга, было «отстоем на дне сосуда, используемым для приготовления свежих писчих чернил» [3, с. 346]. Оба эти определения нельзя считать до конца верными.

Для понимания того, что подразумевалось книжниками под «гнездом», важно обратиться к опыту древнерусского словоупотребления. В «Словаре русского языка XI—XVII вв.» приведены такие значения: гнездо птиц или насекомых, семья, месторождение полезных ископаемых [7, с. 44]. Их можно объединить по смыслу как *источник происхождения*. Так и чернильное «гнездо», вероятно, воспринималось русскими книжниками как источник происхождения чернил.

«Гнездо» «заводили» в кувшине, где готовились чернила. Его делали из ржавого железа, железного купороса и чернильных орешков. Компоненты долго выстаивали в тепле. Есть сведения о том, что «гнездо» служило писцу до десяти лет (Свод. Т. 1. Кн. 1. С. 94). Мы можем предположить, что под чернильным «гнездом» древнерусские книжники понимали смесь базовых твёрдых не растворявшихся до конца компонентов красителя (орешков, железа, возможно, железного купороса), но уже после того, как они, выстоянные в сосуде с жидкостью, вступили в реакцию, в результате которой образовался краситель.

Отдельное малое «гнездо» пишущему следовало сделать и в чернильнице: «гнездо ж единоши заведи из железа и орешков, и купороса. <...> И ис коего сосуда начнешь писати, и тамо гнездо ж учини ис того ж железа и орешков по сосуду» (Свод. Т. 1. Кн. 1. С. 94—95). Возможно, о «гнезде» говорится и в распространённой рекомендации, дошедшей в 26 списках [3, с. 16]: «Смешав гнездо жидкого чернила, и процедив, наполнити писчей сосуд. И положити в него комеди старья да орешков зеленых целых пять или шесть, по сосуду смотря, да квасов, да купоросу жженого» (Свод. Т. 1. Кн. 1. С. 74, 85, 90).

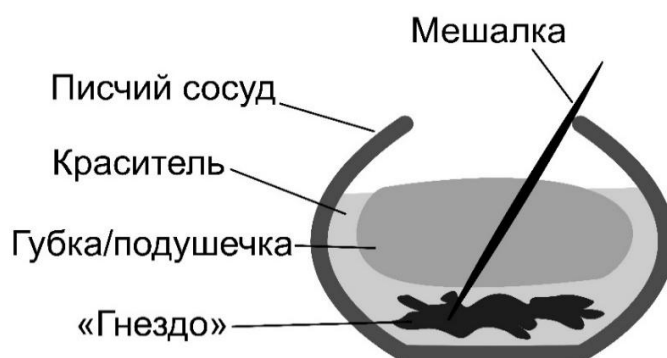

Рис. 1. Наполнение писчего сосуда: условные обозначения.

Нами была предпринята попытка графической реконструкции вариантов наполнения писчего сосуда во время письма. Содержимое чернильницы и киноварницы ощутимо различалось, так как оно напрямую зависело от состава красящего вещества. Киновари и чернилам нужны были разные условия. Наполнение писчего сосуда для чернил включало большее количество компонентов, чем для киновари. Эти компоненты могли быть по-разному скомбинированы. Стоит также особо подчеркнуть, что речь идёт об инструментах квалифицированного книгописца, обладавшего как специфическими профессиональными навыками и знаниями, так и средствами, необходимыми для поддержания обширного инструментария.

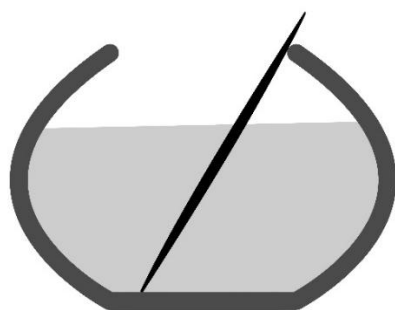

Рис. 2. Вероятно, наиболее распространённый вариант комплектации чернильницы: писчий сосуд, чернила и мешалка.

Древнерусские чернильницы изготавливались из разнообразных материалов [10, с. 353]: в XVI—XVII вв. особенно распространены были металлические и керамические. В качестве чернильницы мог выступать и изначально не предназначенный для этого сосуд, например, кубышка (Свод. Т. 1. Кн. 1. С. 221). Возможно, пишущий не придавал материалу чернильницы особого значения. Выдвигалось единственное требование — чтобы писчий сосуд «был пространен» (Свод. Т. 1. Кн. 1. С. 74, 85, 90). Это может быть связано с необходимостью помещать в него достаточно большие предметы и компоненты, например, 5-6 целых чернильных орешков (Свод. Т. 1. Кн. 1. С. 74, 85, 90).

Мешалка из того или иного материала требовалась писцу неизбежно. Она входила в круг базовых инструментов не только древнерусского пишущего, но и профессионального каллиграфа Золотой Орды [1, с. 218, 222]. Железная мешалка, по всей видимости, должна была всегда находиться в чернильнице. На это указывают формулировки: «и с коего сосуда начнеш писати и тамо гнездо ж учини <...> и мешалку железню» (Свод. Т. 1. Кн. 1. С. 95); «а мешалка бы в черниле была железная» (Свод. Т. 1. Кн. 1. С. 75). Похожая практика наблюдается у современных книгописцев Эфиопии¹: инструмент всё время остаётся в писчем сосуде, так что даже изображается в книжной миниатюре [12, р. 159, 169, 170, 187].

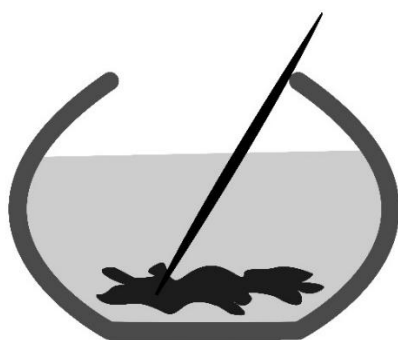

Рис. 3. Вариант комплектации чернильницы с мешалкой и «гнездом».

На то, что в чернильнице одновременно могла находиться и мешалка, и «гнездо» указывает та же рекомендация «И ис коего сосуда начнешь писати, и тамо гнездо ж учини ис того ж железа и орешков по сосуду, и мешалку железню» (Свод. Т. 1. Кн. 1. С. 95). Само «гнездо» со временем становилось слоем неравномерного «отстоя» на дне сосуда, с включениями фрагментов чернильных орешков. Когда в составе «гнезда» вместо купороса находилось железо (Свод. Т. 1. Кн. 1. С. 94—95), в чернильницу, вероятно, помещали стружку или мелкие фрагменты вышедших из употребления предметов, таких как цепи, ключи, замки или пробойники (Свод. Т. 1. Кн. 1. С. 94). Наличие «гнезда» в сосуде делало чернила неоднородными и, скорее всего, вынуждало пишущего чаще их перемешивать. Также железная мешалка, помимо своего основного назначения, могла выполнять и функции железных компонентов «гнезда».

Присутствие подушечки или губки на практике могло несколько затруднять перемешивание чернил, но незначительно. При размещении в чернильнице мешалки, гнезда и подушечки последняя одновременно могла иметь несколько функций. Во-первых, она предохраняла кончик пера от порчи о стенки писчего сосуда. Во-вторых, не позволяла набрать слишком много чернил, делая их нанесение на лист более равномерным. В-третьих,

¹ Однако стоит отметить, что эфиопские писцы используют неметаллические чернила, а мешалкой служит гвоздь или небольшая палочка.

губка служила своеобразным фильтром — она помогала отделить нерастворимые элементы «гнезда», которые налипали на перо и, оказавшись на листе, портили работу. В четвёртых, она могла собирать на себя «отстой», становясь своеобразной материальной основой гнезда и его частью (эту догадку ещё предстоит проверить в ходе эксперимента).

Рис. 4. Наиболее сложный из возможных вариант наполнения чернильницы: мешалка, гнездо и полотняная подушечка.

При такой комплектации сосуда пишущий, очевидно, макал перо в пропитанную чернилами губку. В то же время и писцы Востока держали в писчем сосуде шёлковый очёс и, набирая чернила, касались кончиком пера только очёса [1, с. 218]. Похожая практика наблюдается у современных каллиграфов Ирана.

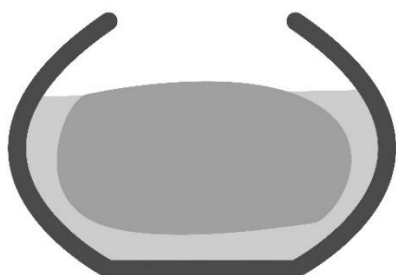

Рис. 5. Единственное возможное наполнение кинноварницы: кинноварный краситель и губка.

В отличие от чернил, при обращении с кинноварью пишущий сознательно избегал металлических предметов. Вероятнее всего, причиной этого была «способность её в качестве сернистого соединения давать со многими тяжелыми металлами черные сернистые соединения» [11, с. 97]. В качестве кинноварницы обычно рекомендовалось использовать мраморный «сосудец» или его более дешёвую замену — вошанку (Свод. Т. 1. Кн. 1. С. 218) (облитый внутри воском глиняный сосуд¹). Для перемешивания кинноварного красителя в процессе изготовления могло использоваться перо (Свод. Т. 1. Кн. 1. С. 431)² или

¹ Рецепт изготовления вошанки см.: (Свод. Т. 1. Кн. 1. С. 135).

² Конечно, речь идёт не о писчем пере — использование в качестве мешалки неизбежно испортило бы его. Скорее всего, брали перо уже вышедшее из употребления и не очиненное.

собственный палец пишущего (Свод. Т. 1. Кн. 1. С. 267). При этом нам неизвестно указаний на необходимость перемешивания киноvari — очевидно, что она не была столь острой.

Пропитанная красителем губка обеспечивала более равномерное нанесение киноvari на перо и отделяла возможный осадок. Она требовала осторожного обращения и могла портиться. Например, от недостаточно измельчённых квасцов, которые добавляли вместе с порошком киноvari, чтобы сделать краситель более ярким. Книжники предостерегали, что кусочки квасцов «прилнут к губке, и губку испортят, и скоро всю изъедят» (Свод. Т. 1. Кн. 1. С. 89).

Стоит обратить внимание на упоминания киноvarного «гнезда». В отличие от чернил, где могла использоваться железная стружка, и чернильные орешки, киноvarный краситель не содержал крупных нерастворимых частиц. Однако, частью «гнезда» очевидно была губка: «Аще губки нет в киноварь на гнездо...» (Свод. Т. 1. Кн. 1. С. 96), «А на киноvarнице добро держать гнездо губа грецкая» (Свод. Т. 1. Кн. 1. С. 339). Вероятно, в сосуде для киноvari мы, действительно, не найдём «гнезда» как «отстоя» нерастворимых компонентов. Но губка могла служить материальной основой, собирая порошок киноvari и другие компоненты на себя.

Руководствуясь сборниками технологических рекомендаций, описью переплётных снастей Кирилло-Белозерского монастыря и «Памятью Агапиту» из Синодика Александро-Свирского монастыря, мы можем с уверенностью утверждать, что комплектация писчего сосуда мешалкой, «гнездом» и губкой была обычной практикой для *книжного* письма. В расходах приказов мы не находим упоминаний губок или мешалок, лишь изредка встречаются закупки чернильных орешков и купороса, которые могли скорее всего употребляться для *изготовления* чернил. Однако на возможность сложной организации писчего сосуда в случае профессионального «канцелярского» письма указывают отмеченные ещё Н.А. Баклановой в расходах Тайного приказа периодические закупки ткани («холсту», «полотна») «в чернильницы на гнезда» по 2-4 аршина [2, с. 87] (Дела тайного приказа. Кн. 3. Стб. 95, 856, 1115, 1131—1132, 1240). Вероятнее всего, речь шла об уже известных нам полотняных подушечках. Возможно, лоскут ткани могли помещать в чернильницу не сшивая. Примечательно, что сведения о «гнёздах» в чернильницах мы видим в расходах именно Тайного приказа, который обладал особыми функциями, и где использовались наиболее качественные перья — лебединые.

Рассмотрев систему предметов, служивших наполнением писчего сосуда, мы можем судить о том, насколько сложной была организация инструментария высококвалифи-

цированного профессионального писца. Предметы подбирались с учётом химических свойств красителя и имели чёткую специализацию. Также знание о сложной комплектации писчего сосуда расширяет наши представления о технике письма, в том числе, и в её навыковой составляющей. Мы должны учитывать, что, помимо макания пера в чернильницу, обращения к протографу и исполнения письменных знаков, пишущему было необходимо также периодически перемешивать чернила. Перо же макали не непосредственно в краситель, а в пропитанную им губку или тканевую подушечку.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Библиотека Российской академии наук (БАН). Собрание Александро-Свирского монастыря. № 55.
2. Гренберг Ю.И. Свод письменных источников по технике древнерусской живописи, книжного дела и художественного ремесла в списках XV—XIX вв. Т. 1. Кн. 1. СПб.: Пушкинский фонд, 1995. 448 с.
3. Дела Тайного приказа. Кн. 3 // Русская историческая библиотека, издаваемая императорской Археографической комиссией. Т.23. СПб.: Сенатская типография, 1904. 960 с.
4. Симони П. Опыт сборника сведений по истории и технике книгопереплётного искусства на Руси. СПб.: [б.и.], 1903. 307 с.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абзалов Л.В. Ханские писцы. Их истории становления и развития канцелярской службы ханов Золотой Орды. Казань: ЯЗ, 2011. 251 с.
2. Бакланова Н.А. Обстановка Московских приказов в XVII веке // Труды Государственного исторического музея. Вып. 3. М.: Гос. ист. музей, 1926. С. 53—100.
3. Гренберг Ю.И. Свод письменных источников по технике древнерусской живописи, книжного дела и художественного ремесла в списках XV—XIX вв. Т. 2. СПб.: Пушкинский фонд, 1998. 396 с.
4. Гудков А.Г. Трость и свиток: инструментарий средневекового книгописца // Вестник ПСТГУ. Серия V. 2014. № 1 (13). С. 19—46.
5. Замятина Н.А. Терминология русской иконописи. 2-е изд. М.: Языки русской культуры, 2000. 272 с.

6. Морозов Б.Н. Первое послание Курбского Ивану Грозному в сборнике конца XVI — начала XVII в. // Археографический ежегодник за 1986 год. М.: Наука, 1987. С. 277—288.
7. Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 4. М.: Наука, 1977. 403 с.
8. Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 5. М.: Наука, 1978. 394 с.
9. Столярова Л.В., Каштанов С.М. Книга в Древней Руси (XI—XVI вв.). М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. 448 с.
10. Черепнин Л.В. Русская палеография. М.: Госполитиздат, 1956. 616 с.
11. Щавинский В.А. Очерки по истории техники живописи и технологии красок Древней Руси. М.; Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1935. 158 с.
12. Winslow S. *Ethiopin Manuscript Culture: Practices and Contexts*. Toronto: University of Toronto, 2015.

REFERENCES

1. Abzalov L.V. *Hanskie piscy. Ih istorii stanovlenija i razvitija kanceljarskoj sluzhby hanov Zolotoj Ordy*. Kazan': JAZ, 2011. 251 s.
2. Baklanova N.A. *Obstanovka Moskovskih prikazov v XVII veke* // *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeja*. Vyp. 3. М.: Gos. ist. muzej, 1926. S. 53—100.
3. Grenberg JU.I. *Svod pis'mennyh istochnikov po tehnikе drevnerusskoj zhivopisi, knizhnogo dela i hudozhestvennogo remesla v spiskah XV—XIX vv.* T. 2. SPb.: Pushkinskij fond, 1998. 396 s.
4. Gudkov A.G. *Trost' i svitok: instrumentarij srednevekovogo knigopisca* // *Vestnik PSTGU. Serija V*. 2014. № 1 (13). S. 19—46.
5. Zamjatina N.A. *Terminologija russkoj ikonopisi*. 2-e izd. М.: JAzyki russkoj kul'tury, 2000. 272 s.
6. Morozov B.N. *Pervoe poslanie Kurbskogo Ivanu Groznomu v sbornike konca XVI — nachala XVII v.* // *Arheograficheskij ezhegodnik za 1986 god*. М.: Nauka, 1987. S. 277—288.
7. *Slovar' russkogo jazyka XI—XVII vv.* Vyp. 4. М.: Nauka, 1977. 403 s.
8. *Slovar' russkogo jazyka XI—XVII vv.* Vyp. 5. М.: Nauka, 1978. 394 s.
9. *Stoljarova L.V., Kashtanov S.M. Kniga v Drevnej Rusi (XI—XVI vv.)*. М.: Rus-skij fond sodejstvija obrazovaniju i nauke, 2010. 448 s.
10. *CHerepnin L.V. Russkaja paleografija*. М.: Gospolizdat, 1956. 616 s.

11. SHHavinskij V.A. Oчерki po istorii tehnik i zhivopisi i tehnologii krasok Drevnej Rusi. M.; L.: Gos. soc.-jekon. izd-vo, 1935. 158 s.

12. Winslow S. Ethiopian Manuscript Culture: Practices and Contexts. Toronto: University of Toronto, 2015.

Рецензенты:

Цыпкин Д.О., канд. ист. наук, заведующий кафедрой истории западноевропейской и русской культуры, доцент Санкт-Петербургского ун-та;

Шибяев М.А., д-р ист. наук, заведующий Сектором информационно-библиографического обслуживания Отдела рукописей Российской национальной библиотеки.